

Подлубнова Юлия Сергеевна

к.филол.н., н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)

E-mail: tristia@yandex.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЕКАТЕРИНБУРГА — СВЕРДЛОВСКА
В ОЧЕРКАХ 1920-х — НАЧАЛА 1930-х гг.**

УДК 82.09(470.5):82-43

Анализируя массив очерков 1920-х — начала 1930-х гг., мы попытались выявить знаковые репрезентации Екатеринбурга — Свердловска. Очеркистика в целом разрабатывала дихотомию «старый Екатеринбург — новый Свердловск», включавшую противопоставления «провинция/столица», «горно-заводская культура/индустриальная современность», «история угнетения/будущее административного и промышленного центра», и была наполнена описаниями конкретных городских реалий и героев эпохи.

Ключевые слова: Екатеринбург — Свердловск, образ города, советский очерк, литература 1920-х — начала 1930-х гг.

В 1923 г. Екатеринбург, годом позже переименованный Свердловск, стал административным центром огромной по своей площади Уральской области. «Уральская промышленность в годы гражданской войны была практически разрушена», но «в 1921–1927 гг. в производственно-экономическом развитии Уральского региона стала активно осуществляться восстановительно-реконструктивная модель промышленной политики» [1, с. 300]. Менялся регион, менялся город. Перерождение старого горнозаводского Екатеринбурга в индустриальный Свердловск запечатлел В. В. Маяковский, приехавший на Урал в 1928 г. и восхитившийся большой стройкой, в которую превратился город, «работник и воин» (см. стихотворение «Екатеринбург — Свердловск»). Двумя годами ранее другой поэт, Дир Туманный, писал: «Он переполнен радостным трудом, / Он в окружень будничных материй; / Над чахлым губернаторским прудом / Вскипает жизнь новаторских артерий» [5, с. 93]. Поэты обозначили суть процесса, но практически не коснулись деталей: что именно поменялось в городе и как это в целом повлияло на восприятие города приезжими и самими горожанами? И здесь на помощь приходят иные документы эпохи — очерки.

С одной стороны, востребованности очеркистики как формы литературного творчества в 1920-е гг. немало способствовали идеи ЛЕФа, с другой стороны, запрос на «литературу факта» формировался и самой прагматикой власти, заинтересованной в документации и семантизации процессов, идущих в стране. Не случайно 1920-е гг. стали не просто временем возрождения очерка, но и появления его новой разновидности — производственной [8].

Урал, широко включенный в программы индустриализации и планы пятилеток, равно как и его административный центр, не могли остаться вне журналистской работы писателей, их документирующего внимания. Анализируя очеркистику 1920-х гг., сложно не заметить, как трансформируются в ней репрезентации города.

Так, в очерке 1922 г. «Столица Урала» Н. Н. Никитина Екатеринбург представлен как город-огород, обрамленный горами. В его подчеркнуто провинциальном пространстве сосуществуют голодающие дети, бредущие из Тюмени, мещанская жизнь с самоваром и шаньгами; меценаты-богачи и поэты-футуристы из объединения «Улита» [4]. Это еще старый, горнозаводской Екатеринбург, не знающий социальных преобразований. Это еще город, для описания которого более всего подходит оптика фельетона (см. фельетоны В. П. Чекина), которая то и дело появляется у Н. Н. Никитина.

В 1924 г. на Урал приезжает Л. М. Рейснер. Результатом ее поездки стала книга очерков «Уголь, железо и живые люди» (1925 г.). Свердловск не попадает в эту производственную книгу, но фигурирует в примыкающем к ней очерке «Слова из мрамора», опубликованном в журнале «30 дней». Не заводы, но Свердловский художественный техникум оказывается в центре внимания писательницы, рассуждающей, насколько сопоставимы профессии рабочего и художника [9]. Свердловск показан

здесь как производственный и культурный центр, имеющий свою историю, свои традиции, и в целом Л. М. Рейснер как бы восстанавливает тот образ города-крепости, который запечатлел Д. Н. Мамин-Сибиряк и который окажется в центре производственной очеркистики конца 1920-х — начала 1930-х гг.

Сочетание статичности провинции и потенциала культурного центра зафиксировано и в очерках Е. Г. Полонской, побывавшей в городе в 1926 г. «Сколько интересного я видела: и восстановление заводов, и новых людей, которые в первый раз вдохнули воздух свободы, и исторические места» [6, с. 424]. Она пишет: «Город буквально трещит от количества трестов, учреждений, комитетов, представительств и контор, от людей, приезжающих из Москвы или Сибири» [7, с. 16]. Но при этом подчеркивается контраст между административным статусом столицы Урала и тем, что представляет собой «город деревень», в котором нет ни тротуаров, ни водопровода, ни жилья для рабочих. Екатеринбург деревень в книге Е. Г. Полонской сосуществует со Свердловском передовых заводов, городу еще только предстоит преодолеть свою провинциальность.

Разнородные репрезентации города суммирует М. Е. Зуев-Ордынец в книге очерков «Каменный пояс», выпущенной под эгидой журнала «Вокруг света». Как и у Е. Г. Полонской, здесь иллюстрируется тезис о том, что XVIII в. в городе «сомкнулся с веком XX» [3, с. 86], а современная столица Урала — с обширным историческим прошлым (с неперенными золотопромышленниками, гранильщиками, Демидовыми и проч.). Как и Е. Г. Полонская, М. Е. Зуев-Ордынец рассматривает город как место «народной мести», расстрела царской семьи. Именно история выходит у него на первый план, оттесняя социалистические стойки.

Однако в самом конце 1920-х — в начале 1930-х гг. на волне индустриализации все отчетливее проявляла себя производственная проблематика, обозначались производственные мощности города. В книге очерков «Угля, угля!» (1931) новосибирского писателя П. Стрижкова городская история уже безоговорочно уступает место статистике и прагматике социалистического строительства [10].

Волна уральских производственных очерков также пришлась на конец 1920-х — начало 1930-х гг. Их авторы не ставили задачу знакомства читателя с городом, однако обращались к работе заводов, фабрик и других промышленных объектов, к конкретным фактам производственной деятельности. Ярким примером городской очеркистики стал очерк «3000 вольт» А. П. Гайдара (писатель в 1927 г. несколько месяцев жил в городе), посвященный запуску электростанции на Конном острове и опубликованный в газете «Уральский рабочий». Другие примеры — очерки 1932 г. «Котельщик Ермоленко» П. Алексева и «Мастер Мурашов» М. Кучеренко (вышедший отдельной книгой в УралОГИЗе), где изображаются герои эпохи — рабочие ВИЗа и Уралмаша.

Впрочем, после запуска проекта «История фабрик и заводов» на страницы уральской печати вернулся исторический очерк. К примеру, в 1934 г. Ю. Бессонов пытался написать историю ВИЗа, Н. Попова работала над книгой «Екатеринбург — Свердловск», где повторяла тезисы как Д. Н. Мамина-Сибиряка (город-завод), так и очеркистов 1920-х гг.

Очеркисты конца 1920-х — начала 1930-х гг. не искали новые способы репрезентации города, но следовали уже сформированной дихотомии «Екатеринбург — Свердловск» (горнозаводской/индустриальный, провинциальный/столичный) и охотно описывали городские реалии, особенно в их производственной части. Поиски новых смыслов были свойственны, скорее, иного рода литературе [2].

Литература и источники

1. Анимца Е. Г., Дворякина Е. Б. Промышленная политика и модели регионального развития // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 299–303.
2. Веселкова Н. В., Граматчикова Н. Б. «Куски какого-то еще не реализованного плана»: художественное осмысление истории в уральской очеркистике и прозе 1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 112–121.

3. Зуев-Ордынец М. Каменный пояс. Уральские очерки. Л., 1928.
4. Никитин Н. Столица Урала // Новая Россия. 1922. № 2 (4). С. 9–11.
5. Панов Н. Н. (Туманный Д.). Домик в Свердловске // Человек в зеленом шарфе. Вторая книга стихов (1924–1927). М., 1928. С. 80–93.
6. Полонская Е. Г. Города и встречи. Книга воспоминаний. М., 2008.
7. Полонская Е. Поездка на Урал. Л., 1927.
8. Пути советского очерка: сборник литературно-критических статей / под ред. А. И. Павловского. Л., 1958.
9. Рейснер Л. Слова из мрамора // 30 дней. 1925. № 4. С. 15–20.
10. Стрижков П. Угля, угля. Новосибирск, 1931.

Yulia S. Podlubnova

Candidate of Philological Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS
(Russia, Ekaterinburg)

E-mail: tristia@yandex.ru

REPRESENTATIONS OF EKATERINBURG — SVERDLOVSK IN ESSAYS OF THE 1920S — EARLY 1930S

Analyzing the essays of the 1920s — early 1930s we tried to identify iconic representations of Ekaterinburg — Sverdlovsk. The essay developed the dichotomy “old Ekaterinburg — new Sverdlovsk” including the oppositions “province/capital”, “mining culture/industrial modernity”, “history of oppression/future of the administrative and industrial center” and was filled with descriptions of specific urban realities and heroes of the era.

Keywords: Ekaterinburg — Sverdlovsk, image of the city, soviet essay, literature of the 1920s — early 1930s